

Ранним утром, когда окружавшие нас скалы стали выделяться на чуть посеревшем небе, мы молча развели костёр, напоили лошадей и дали им последние горсти ячменя. Отдохнувший Италмаз заигрывал со мной, кусая за плечо мягкими, как резиновые мячи, губами. Он был ещё в теле. Скачка от басмачей, плохой корм, большие переходы на него почти не повлияли, только живот подобрался, как у борзой, но упругие мускулы всё так же играли под тонкой кожей, покрытой шелковистой шерстью. Я долго гладил и очищал его от песка, набившегося в гриву. Он поглядывал на меня чёрным влажным глазом и нетерпеливо танцевал на месте, ожидая, когда я схвачусь за седло. Но нас разлучили...

Ходжом налил в бурдюк воды, туго подтянул подпруги сёдел и привязал Италмаза в повод к своему долговязому

Рыжему, который зло ворочал белым глазом и фыркал, оглядываясь на Италмаза. Ходжом вскочил в седло, поправил халат, надвинул крепко на голову папаху и, закинув за спину винтовку, подал мне руку.

— Сегодня говори: «Совсем прощай», — сказал Ходжом, подмигивая и шевеля мохнатыми бровями, — а день прошёл, и опять скажешь: «Здравствуй», — если с меня не сдерут шкуру...

— Прощай, — ответил я ему, пожав руку и отойдя в сторону. — Помни, что завтра днём ты уже не найдёшь меня здесь! Счастливой дороги!

В утренних сумерках, окутавших седой чадрой пустыню, удалялся стройный силуэт Италмаза...

Я вскарабкался на скалу. На востоке несколько тучек над горизонтом окрасились карминовым отблеском солнца. С каждым мгновением становилось всё светлее. Вдали, между редкими кустами саксаула, расположившимися по песчаным холмам, опять показалась белая папаха и красный полосатый халат Ходжома.

Вдруг оба коня метнулись в сторону, и Ходжом припал к шее Рыжего. Что-то произошло... Ясно было видно, как Ходжом поскакал вбок, и за ним лёгкими прыжками не отставал воронёй. Они куда-то скрылись. Потом, уже далеко, когда первые лучи солнца лизнули степь, последний раз сверкнул красный халат с белой папахой и исчез в бесчисленных барханах.

Я решил пойти к тому месту, где что-то испугало Ходжома. Что это было — человек, зверь или труп павшего животного? Пробирался осторожно, крадучись по следам, выдавленным в песке копытами коней. Тонкие ветки гребенщика и саксаула, свешиваясь над песком, от порывов ветра начертили на нём кружевные рисунки. Ноги вязли в сыпучем песке.

Почва стала твёрже, тёмными пятнами стали выступать сырые места, где просочилась подпочвенная влага и снежными налётами выступала по краям белая бахрома соли.

Наконец я подошёл к тому месту, где кони метнулись в сторону. Следы копыт были разбросаны по хрустевшему

солью песку. Кони здесь испуганно бились, откинув копытами комья сырой земли. Видно было, что Ходжом вскачь унёсся с этого места.

Ещё осторожнее ступая, чтобы не спугнуть кого-нибудь, я двинулся к бархану. Встречались какие-то мелкие птичьи следы, вроде степного жаворонка, и более крупные, подходящие к лапам птицы джур-джур, а под ними шли, чётко вдавленные тяжестью в песок, пятипалые с острыми когтями странные следы очень крупного животного. Между его следами тянулась гладкая полоса, точно зверь волочил что-то по земле. Я поднялся на верх бархана, припав между зарослями саксаула. Сняв будёновку, осторожно приподнял голову.

Впереди за барханом была полувысохшая впадина, окружённая холмами, с лужицей посередине, вокруг которой спиралью шли белые круги высохшей соли.

Стая серых птиц, похожих на длинноклювых голубей, рассыпалась вокруг лужицы. Они весело перебежали быстрыми шариками, что-то искали в земле и вдруг насторожились, повернув один глаз в сторону. Несколько птиц взлетело и опять опустилось на землю. Другая группа взметнулась в сторону. Внезапно из кустов выпрыгнуло какое-то очень длинное существо с короткими лапами и, схватив на лету одну птицу, упало обратно в низкие заросли. Все птицы разом взлетели и, сделав круг, стремительно унеслись вдаль.

Всё произошло так быстро, что я даже не успел рассмотреть это существо, но любопытство и охотничий инстинкт заставили меня пробраться через заросли к тому месту, где оно скрылось.

Там я нашёл только несколько серых и белых перьев, забрызганных кровью, и множество пятипалых следов с полосой чего-то волочившегося сзади. Следы уходили и скрывались в песках. Я немного покружил в этом месте и вернулся к скалам.

Из предосторожности я поспешил скрыть свои следы. Я забрал бурку, хуржумы, чайник с чаем и поднялся на

скалу. Моя привычка быть недоверчивым заставила меня опять спуститься вниз к колодцам, чтобы изгладить признаки своего пребывания. Я разметал костёр и засыпал его песком. Заметая за собой следы веткой саксаула, я дошёл до скал. Песок пустыни — это листы книги, каждый кочевник прочтёт то, что там написано.

Слои серого известняка косо выпирали из земли. Кое-где в выветренных щелях виднелась маленькая кудрявая травка и торчала душистая полынь... Этими угрюмыми скалами начиналось каменистое плато, которое тянулось на север. Я вспомнил слова, сказанные однажды проводником: «Там, где кум (песок), можно найти воду, саксаул для костра и траву для коня. Там ты убьёшь зайца и не умрёшь с голоду. Но берегись попасть в буран на Кыр. На Кыре нет ни одного дерева, на Кыре нельзя прокопать колодца, оттуда уходят все звери, и только быстрые козы-джейраны пробегают через Кыр, гонимые волками...»

Я прополз по скалам в поисках трещины или норы, в которую можно было бы сложить вещи и спрятаться в случае неожиданной опасности.

Невдалеке, между двумя косо сходящимися слоями известняка, я запрятал хуржумы, бурку и чайник. Щель оказалась глубокой, но исследовать её не было времени. Не теряя ни минуты, я растянулся на скале, положив возле себя винтовку, и проверил, есть ли патроны. Чтобы не упустить ни одной движущейся точки на горизонте, я должен был весь день пролежать под палящими лучами солнца.

С этого места, как с наблюдательной вышки, были видны на десятки вёрст однообразные барханы, точно волны застывшего песчаного моря, безнадёжно унылого в своём молчании. К северу изгибался обрывистый край Кыра, ровной площадкой уходившего за горизонт. На Кыре не было видно ни одного корявого деревца, ни одного холмика, и в своей бесконечной глади каменная равнина выглядела ещё более уныло, чем пески...